
СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ НОВЕЙШЕЙ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ (на материале СМИ)

А.Т. Аксенова

Кафедра русского языка
Тверская государственная медицинская академия
Ул. Советская, 4, Тверь, Россия, 170000

В статье определяются причины и особенности процесса заимствования образов американской лингвокультуры, способы адаптации лексических единиц в русской языковой среде, описываются особенности функционирования новейших иноязычных слов на начальном этапе вхождения в систему русского языка.

Ключевые слова: заимствования, лексические единицы, семантико-стилистическая адаптация, американская лингвокультура.

Период с конца 90-х гг. XX в. и до наших дней многие специалисты считают периодом «глобальной варваризации языка и культуры» [4. С. 1], связывая это с американским влиянием на русское общество. Это выражается, в частности, в интенсивном и неупорядоченном процессе заимствования образов американской лингвокультуры и их адаптации в русской языковой среде. Под образами американской лингвокультуры мы понимаем лексические единицы любой степени освоенности, заимствованные из американского варианта английского языка. Основной причиной данных заимствований является потребность в новых словах, поскольку появляются новые реалии и понятия. Кроме того, «слабывающее ныне информационное общество будущего предполагает знание английского языка как языка международного общения» [15. С. 205]. Поэтому процесс заимствования в последние годы продолжается и углубляется.

Упорядоченной и единой системы научных понятий в сфере заимствований не сложилось и до настоящего времени. Как правило, лингвисты сходятся в определении собственно заимствованных слов, которые называют усвоенными (ассимилированными, обрусевшими и т.п.). Заимствованные слова, принявшие нормы русского языка, противопоставляются всем другим, неосвоенным (недоосвоенным) иноязычным словам, при определении которых единой точки зрения нет. Вместе с тем именно они представляют, на наш взгляд, наибольший интерес для изучения, поскольку в современном обществе (во многом благодаря СМИ) процессы заимствования и вхождения новых слов в речь протекают очень быстро, а их адаптация в языке требует длительного времени. Для изучения данной группы единиц представляется необходимым установить ее границы и выявить специфические особенности, определяющие местоположение неосвоенной лексики в системе заимствований русского языка.

В данной статье не освоенные языком слова и выражения будут рассматриваться как варваризмы. Давняя традиция считать варваризмами чуждые языковой

системе элементы, противопоставляя их освоенным, принадлежащим системе языка, отражала самое широкое понимание этого термина. В ряде лингвистических работ конкретизируются стадии освоения заимствований, и понятие «варваризм» сужается. Опираясь на работы современных лингвистов [1] и др., мы будем использовать термин «варваризм» для обозначения единиц, недостаточно освоенных для перехода в статус иностранного слова, укрепление которого в языке формально отражается включением в толковые нормативные словари. Вместе с тем отмечается переход данных единиц из употребления кругом билингвов в употребление и монолингвами, т.е. они начинают функционировать по системным принципам собственно русского языка. Варваризмы могут передаваться как в русскоязычной, так и в иноязычной графике и являются элементом речи, а не языка.

Варваризмы широко используются в текстах современных СМИ и представляют большой интерес для исследования начального этапа проникновения иноязычного слова в язык. На этом этапе использование иноязычного слова чаще всего не предполагает знакомства реципиента (читающего или слушающего) с этим словом, поэтому в большинстве случаев его употребление сопровождается комментариями по поводу значения слова, приведением его аналогов или близких по значению исконных слов. Утрату сопроводительных комментариев Л.П. Крысин рассматривает как один из важных этапов процесса адаптации иноязычного слова, когда «носители языка перестают ощущать непривычность иноязычного слова» [7. С. 77].

Предметом нашего исследования являются иноязычные слова англо-американского происхождения на начальном этапе проникновения в русский язык, не зафиксированные в словарях, не обладающие семантической самостоятельностью, а следовательно, нуждающиеся в пояснении. Отсутствие же комментариев по поводу значения данных слов часто становится причиной снижения или нарушения эффективности коммуникации.

Одним из иноязычных слов, вошедших в наш лексикон относительно недавно, является слово *таунхауз* (от англ. town город и house дом, т.е. городской дом). Заимствование данного слова обусловлено необходимостью заполнения лакуны, появившейся в связи с изменением концепции градостроительства, появлением нового типа жилых зданий. Использование английского слова вместо русского словосочетания «городской дом» может объясняться, на наш взгляд, языковой экономией и тенденцией к новизне и экспрессивности наименования. Кроме того, немаловажную роль играет потребность в разграничении смысловых оттенков. «Таунхаузы» это не просто «городские дома», а *малоэтажные (2—3 этажа) дома, похожие на коттеджи, но сблокированные друг с другом, возле которых есть небольшой (около 3 соток) участок земли*. Неосвоенность данного слова русским языком проявляется в отсутствии единой графической формы при написании. В различных текстах встречаем: *таунхауз, таун хауз, таун-хауз, таунхаус, таунхаус*. Подобная вариативность формального плана является характерной для ранней стадии заимствования. Поскольку данное слово может быть не понятно носителям русского языка, его употребление часто сопровождается комментариями.

Так, в журнале «Домой» (декабрь 2007) встречаем следующее пояснение: *«Английское слово „таунхауз“... обозначает малоэтажное строение с небольшим количеством квартир, каждая из которых имеет свой отдельный вход. Это промежуточный вариант между жильем городского и загородного типа»*. Данный пример иллюстрирует особое место иноязычного слова в языковом сознании говорящего. Лексема *таунхауз*, иронично определяемая как *слово*, оказывается маркированной, осложненной авторской оценкой. Как правило, фиксация внимания носителей языка на иноязычном слове является характерной для начального этапа его вхождения в язык-реципиент.

Исследователи неоднократно отмечали роль СМИ в формировании словаря социума, в частности, путем введения и тиражирования новых иноязычных заимствований. Одним из ярких примеров подобного рода становится введение в обиход лексемы *кидалт* (от англ. *kid* ребенок + *adult* взрослый, т. е. взрослый ребенок, человек, отказывающийся взрослеть). Данный термин попал на русскую почву около двух лет назад из американского варианта английского языка. В США этот неологизм впервые появился в середине 1980-х. Кидалтами стали называть взрослых людей, которые, словно отказываясь взрослеть, сохраняют детские привычки: смотрят мультфильмы, играют в компьютерные игры, собирают конструкторы. В данном значении термин «кидалт» начал использоваться на страницах российских средств массовой коммуникации: *«Кидалт (от англ. kid + adult ребенок + взрослый) — взрослый человек, исповедующий подростковую культуру или сохранивший детские привычки»* (Журнал *Cosmopolitan*, апрель 2008). *«Носить трусы со Шреком, конечно, станет не каждый взрослый. А только тот, кто остался в душе ребенком. На Западе для таких взрослых-детей даже придумали специальный термин — „кидалт“ (kidult — слияние kid ребенок и adult — взрослый)»* (Русский *Newsweek*, № 20, 2007, 14—20 мая). *«Этим детям около 40 лет и маркетологи называют их кидалтами (от kid дети и adults взрослые)»* (журнал «Профиль», 2007, № 45). Семантическая адаптация термина «кидалт» в сфере массовой коммуникации привела к изменению объема понятия. Наряду с первоначальным значением появилось второе, близкое к «инфантильный». Кидалтами стали называть взрослых людей, живущих вместе с родителями или за счет родителей, не умеющих самостоятельно решать бытовые проблемы, не способных создать и обеспечить собственную семью. *«Сейчас «молодым» следует признать возраст от 27 до 40 лет, когда человек морально и финансово способен отделиться и жить собственной семьей. А до этого он — „взрослый ребенок“, кидалт (kidult), как модно говорить на Западе»* (<http://rpmmonitor.ru/rms/detail.php?ID=7812>). Появление подобного значения слова *кидалт* именно в русской языковой среде весьма показательно с точки зрения ментальности. Как указывает А.В. Сергеева, в российских семьях отношения между поколением родителей и уже взрослыми детьми отличаются от европейских, где повзрослевший ребенок на материальную помощь от родителей может не рассчитывать [10. С. 102—103].

Подавляющее большинство случаев употребления слова *кидалт* сопровождается авторскими комментариями с целью избежать нарушения механизмов

коммуникации. Среди собранных нами примеров лишь в одном случае встречаем его без сопроводительных комментариев. Однако в данном случае отсутствие пояснений к слову особо оговаривается автором статьи: «...термин „кидалт“ последнее время мелькает на страницах прессы лишь немногим реже, чем „парламентские выборы“, „третий срок“ и им подобные насущно-актуальные словосочетания. Так что я даже, пожалуй, отойду от традиции и не стану объяснять в скобках, от каких англоязычных основ он образован — уже и сами все знают» (<http://www.mbaconsult.ru/db/tc>). Указание на высокую частотность употребления слова в СМИ подчеркивает его особую актуальность. Как и большинство варваризмов, слово *кидалт* становится объектом метаязыковой рефлексии. В журнале «Компьютерра», 2005, № 34 читаем: «Пора признаться читателям „КТ“: я *кидалт* и техносексуал. Упаси Боже, я не *кидала* и не *извращенец*! Это всего лишь модные термины. *Кидалт* (*kidult*) происходит от слияния английских слов *kid* (ребенок) и *adult* (взрослый). В данном примере автор делает предположение о возможной семантической затемненности данного англицизма для некоторых читателей и реализует его посредством языковой игры. Вообще творческое отношение к языку, стремление к языковой игре, шутке, увеличение в текстах концентрации лексем, имеющих экспрессивную окраску, является неперенным атрибутом современных средств массовой коммуникации. Е.А. Земская пишет: «Конец XX века иногда даже называют веком окказионализмов. Человек играет со словом, состязается в этих играх с окружающими, стремясь победить соперника в остроумии, острословии, оригинальности формы выражения» [5. С. 128]. Приведем пример окказиональной «русификации» термина *кидалт*: «Хочу сделать заявление: я — дяденьши. В смысле *кидалт* (от английских слов *kid*, „ребенок“, и *adult*, „взрослый“)» (журнал *Mens Health*, 02, 2008). В данном примере авторские комментарии к употребляемому иноязычному слову рассматриваются исследователями как своеобразное нарушение автоматизма речи: «Говорящий останавливает свое внимание на форме высказывания, на способе выражения, что для большинства «нормальных» речевых актов весьма необычно» [8. С. 156].

Однако необходимо отметить, что комментарии могут сопровождать иноязычное слово и на более поздних этапах его адаптации в языке-реципиенте, даже после его фиксации в словарях иностранных слов. К примеру, слово *фьюжн*, пришедшее в русский язык из английского около 15 лет назад и уже зафиксированное в словаре Е.С. Зеновича [11], в текстах СМИ до последнего времени сопровождается пояснениями: «Первая сложность заключается в том, что, оказывается, никто толком не знает, что же это такое — „фьюжн“. Само слово — английское *fusion* — означает „смешение, слияние, сплав“ (kuking.net/10_549.htm). В журнале «Домой» (март 2007) читаем: «Английское слово „*fusion*“ переводится как „слияние“, или „сплав“. Если говорить о внешних формах, то *фьюжн* предполагает сочетание, казалось бы, несочетаемого (или считавшегося таковым), неординарные решения, выходящие за рамки общепринятого и привычного». На наш взгляд, необходимость пояснять значение иноязычного слова в течение длительного времени связана с особенностями его употребления. Как показывают социолингвистические исследования, иноязычные слова часто используются груп-

пами людей, объединенных по возрастному, профессиональному или иному принципу, и оказываются семантически закрытыми для других носителей языка. К примеру, слово *таунхауз*, используемое в речи людей, так или иначе связанных со строительным бизнесом или имеющих возможность приобретения дорогой недвижимости, вряд ли известно широким массам носителей языка из российской глубинки. Слово *кидалт* распространено в среде маркетологов и социологов, а также людей, причисляющих себя к категории «кидалтов», т.е. молодых мужчин, увлекающихся компьютерными играми, мультфильмами для взрослых и т.д. Знание слова *фьюжн* предполагает определенный уровень эрудиции в различных областях современной жизни — от музыки до банковского дела. Если же варваризм в средствах массовой коммуникации употребляется без комментариев, то стилистически это часто обозначает языковое доверие к читателю (слушателю), адресованность посвященным, избранным, являющимся членами определенного сообщества.

В этом смысле показательно появление новой формулы речевого этикета, использование которой отмечается преимущественно в молодежной аудитории, в среде студентов и активных пользователей интернетовских сайтов. Речь идет о лексеме *респект*. В переводе с английского языка слово *respect* переводится как «уважение». В последнее время оно устойчиво вошло в укус, став частью речевого этикета: *большой респект Рамзану Кадырову, респект этим девушкам, респект вам!* и т.д. Немаловажное значение для вхождения слова *респект* в речь является распространение его через СМИ, в частности, через музыкальные радиостанции (например, «Европа+»), молодежные программы («Камеди клуб») и др. Приветствие «респект и уважуха», ставшее визитной карточкой одного из участников программы «Камеди клуб», уже активно вошло в речевой обиход определенного круга молодежи. Подобное сочетание иноязычного и сниженного слов уже отмечалось исследователями как достаточно характерное для использования в речи современных носителей русского языка.

Модное, несущее в своей семантике элемент престижности и новизны, слово *респект* употребляется не только для того, чтобы выразить уважение кому-либо, но и чтобы продемонстрировать свою принадлежность к определенной общности. Таким образом, выполняется конативная функция, т.е. функция ориентации на адресата, связанная с проявлением принятого в обществе обхождения друг с другом членов коллектива [14. С. 14].

Проведенный анализ выявил, что лексема *респект* сохранила сочетаемость, присущую русскому слову *уважение*, ср.: *большой респект, огромный респект, глубокий респект* — *большое/огромное/глубокое уважение*; *выразить респект* — *выразить уважение, примите респект* — *примите заверения в уважении*. В то же время словосочетания типа *отдельный респект, особый респект* семантически приближают ее к слову «благодарность». Об этом же свидетельствует использование конструкции *респект за..*: «*Хочу выразить респект создателям за такой интересный сайт*». «*Отдельный респект Земфире за новый альбом*». «*Респект Датакому за снижение тарифов*». Использование же данного слова в качестве

приветствия, возможно, обусловлено его созвучием с привычным для носителей русского языка словом *привет*. Таким образом, можно сделать вывод о том, что с появлением лексемы *респект* увеличились синонимические ряды в таких тематических группах русского речевого этикета, как «Приветствие» и «Благодарность». На наш взгляд, факт заимствования данной лексемы обусловлен не столько требованиями коммуникативной целесообразности, сколько социально-психологическими мотивами.

Говоря об адаптации иноязычных слов, нельзя обойти стороной вопрос об особенностях словообразования. В настоящее время отлаженность словообразовательных моделей на базе заимствованных слов облегчает словообразовательные процессы. Производные могут быть образованы практически от любого варваризма, что, однако, является не столько критерием освоенности слова, сколько свидетельствует об определенных потребностях в номинации, часто окказиональной, например: «Я также не соглашусь с общепринятым мнением о том, что якобы феномен кидалтизма есть порождение нашего времени» (<http://www.mbaconsult.ru>). «Респектливый привет» (Форум «Стильного радио»). Е.А. Земская называет расцвет невузального словообразования типичнейшей чертой современного языка [5. С. 138].

Говоря о функциональном аспекте адаптации иноязычного слова, необходимо отметить роль употребительности как существенного условия вхождения его в язык-реципиент. Лингвистами неоднократно подчеркивалось, что наиболее часто и широко употребляемые заимствованные слова имеют больше шансов укорениться в принимающем языке. «Имеющие узкую сферу употребления книжные или специальные слова и термины сохраняют иноязычные черты в течение более длительного времени, чем слова неспециальные, употребляющиеся более широко и часто» [7. С. 77]. Поэтому, рассматривая такой узкоспециальный термин как *кидалт*, преждевременно говорить о перспективах его вхождения в широкий обиход. Что касается слов *таунхауз*, *фьюжн* и подобных им, имеющих более широкую сферу употребления, то шансов закрепиться в языке у них больше. Отметим также, что этому способствует частое употребление данных лексем на страницах газет и журналов, где «происходят активные процессы общеязыковой адаптации значительной части ранее узкотерминологической лексики и словосочетаний» [13. С. 13].

Обобщая вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

Процесс вхождения иноязычных слов в речь обусловлен не только необходимостью первичной номинации, но и социально-психологическими мотивами: большей престижностью и экспрессивностью иностранного слова по сравнению с русским, а также принадлежностью носителя языка к той или иной стране русского общества. Варваризмы становятся объектом активных процессов в области словообразования, стилистики, семантики. Часто семантические трансформации слова являются отражением национальной ментальности.

Новизна и экспрессивность иноязычного слова фиксирует на себе внимание говорящего или пишущего. «У носителей языка активизируются механизмы метаязыковой рефлексии, в частности, в высказываниях о значении и употреблении

иноязычных слов» [12. С. 263]. Кроме того, иноязычные слова часто становятся объектом языковой игры, что особенно ярко проявляется на страницах СМИ. Публицистические тексты наиболее отчетливо фиксируют активное творческое начало языковой личности.

Использование иноязычных слов преимущественно в речи молодых носителей языка, на наш взгляд, обусловлено рядом причин. Во-первых, знанием современной молодежью иностранных языков, в первую очередь английского (большинство новых слов приходят из американского варианта английского языка). Во-вторых, как отмечают некоторые исследователи, молодежь в целом более лояльно относится к фактам заимствования иностранных слов. И, наконец, большинство газет, журналов, радио- и телепередач, через которые тиражируются иноязычные слова, направлено на молодого читателя, зрителя или слушателя. Американизация языка, сильнее всего выражающаяся в речи молодежи, по мнению В.Г. Костомарова, выражает новую ментальность современного поколения [6. С. 139].

Процесс заимствования (особенно из американского варианта английского языка) является одной из существенных характеристик современных языковых процессов, и в этом смысле подлежит, наряду с другими языковыми явлениями, пристальному изучению, в том числе и в аспекте русского языка как иностранного, так как более точное представление о спонтанном процессе заимствования, о механизме вхождения иноязычных единиц в русский язык, о способах их усвоения может помочь эффективнее строить курс обучения РКИ. Весьма показательной в этом смысле становится лексика публицистического стиля, овладение которой поможет преодолеть трудности, возникающие у студентов-иностранцев в процессе чтения оригинальных публицистических текстов.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Арапова Н.С.* Варваризмы как этап в освоении иноязычного слова // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 1989. — № 4.
- [2] *Баш Л.М.* Дифференциация термина «заимствование»: хронологический и этимологический аспекты // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. — 1989. — № 4.
- [3] *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. — М., 2001.
- [4] *Елистратов В.С.* Варваризация языка, ее суть и закономерности // Copyright © 2000—2001 БСМП «ЭЛЕКС-Альфа» portal@gramota.ru
- [5] *Земская Е.А.* Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. — М., 1996.
- [6] *Костомаров В.Г.* Языковой вкус эпохи. — М., 1995.
- [7] *Крысин Л.П.* Этапы освоения иноязычного слова // РЯШ. — 1991. — № 2.
- [8] *Крысин Л.П.* Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия. — М., 1996.
- [9] *Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н.* Современный русский язык. — М., 1997.
- [10] *Сергеева А.В.* Русские: стереотипы поведения, традиции, ментальность. — М., 2006.
- [11] *Словарь иностранных слов и выражений / Автор-составитель Е.С. Зенович.* — М., 2000.
- [12] *Современный русский язык.* — М., 2003.
- [13] *Томашевская К.В.* Лексическое представление языковой личности в современном экономическом дискурсе. — СПб., 1998.

- [14] *Формановская Н.И.* Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. — М., 2006.
- [15] *Шаклеин В.М.* Лингвокультурологический подход к изучению лексики в условиях осетино-русского двуязычия // Материалы международной научно-практической конференции «Русский язык и языки народов России: функциональное и структурное взаимодействие». — Владикавказ, 2001.

**SEMANTIK-STILISTIK ADAPTATION
OF THE NEWEST FOREIGN LEXIS
(on the material of mass media)**

A.T. Axenova

Department of the Russian language
Tver state medical academy
Sovetskaya str., 4, Tver, Russia, 170000

The article highlights the reasons and peculiarities of the process of borrowing American linguoculture samples, the ways of adaptation of lexical units in Russian linguistic environment. In the article the peculiarities of functioning of foreign words on the initial stage of entering the system of the Russian language are described.

Key words: adoption, lexical units, semantics-stylistic adaptation, American lingvokultura.